

УДК 811.161.1

Т. Б. Радбиль

АСИММЕТРИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ И ОТРИЦАНИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В работе рассматриваются разные виды семантической, грамматической и прагматической асимметричности выражения утверждения и отрицания в русском языке. Высказывается предположение о национально-специфичном характере данной асимметрии.

Ключевые слова: отрицательные конструкции, русская языковая картина мира, лингвоспецифичность

В данной работе рассматриваются две группы разнородных, разноплановых в языковом отношении фактов русского языка, которые объединяет только одно — очевидное отклонение от определенного параллелизма в выражении утвердительного и отрицательного содержания.

К первой группе фактов мы отнесем случаи, когда асимметрия утверждения и отрицания предъясняет себя на системно-языковом, грамматическом уровне, т.е. облигаторно встроена в систему языка. Это широко известные примеры русских бытийных и локативных конструкций, а также конструкций обладания с глаголом

быть — типа *был дождь / не было дождя*. Условно назовем это **грамматической асимметрией**.

Асимметрия утверждения и отрицания вообще имеет фундаментальные корни в бытии и в логике его человеческого познания. С философской точки зрения, нет такой реальности, которая по существу своему состояла бы в невозможности быть воспринятой чувствами. Иными словами, есть реальное бытие, но нет реального небытия. Есть только небытие гипотетическое. Это и обуславливает факт асимметрии утверждения и отрицания в логике и в языке [1, с. 664]. Это соотносится и с положениями Л. фон Витгенштейна, согласно которым отрицательное предложение для того, чтобы отрицать некоторое предложение, должно сначала сделать его в определенном смысле истинным [2, с. 88 и далее]. С этой точки зрения получается, что отрицание менее фундаментально, чем утверждение, и производно от него.

Естественноречевой способ концептуализации мира по-разному относится к этой фундаментальной асимметрии. Согласно нашей точке зрения, концептуализация указанной асимметрии имеет явно выраженный лингвоспецифичный характер. Иными словами, есть языки, которые ориентированы на рационализированный, более «логизированный» тип языкового освоения мира, где важно сохранить именно логическую (можно сказать «математическую») симметрию между утверждением и отрицанием — такова, например, английская бытийная конструкция типа *There is... / There is not...* Русский язык, в силу определенной архаичности «внутренней формы языка», демонстрирует как раз асимметрию утверждения и отрицания, что более характерно как раз для обыденного, «наивного» знания о мире, в котором вещи существуют реально, тогда как несуществование вещей можно только представить в концептуальном пространстве воспринимающего сознания.

Итак, в русских бытийных конструкциях обнаруживается грамматическая асимметрия утверждения и отрицания: *Здесь был стол / Здесь не было стола*. Обратим внимание, что в английском языке утверждение и отрицание симметричны: *There was the table here / There was not the table here*. Асимметрия в русском языке проявляется в том, что субъект, чье бытие или нахождение где-либо утверждается, мистическим образом превращается в объект при отрицании бытия или местонахождения.

Возможно, здесь можно увидеть разницу между логическим, рационалистическим, и феноменологическим отношением к миру. С логической точки зрения, *А* и *не-А* абсолютно равноправны. Однако в реальности бытие и отрицание совсем неравноправны. Можно *быть* *столом*, но нельзя **быть нестолом*. Есть у многих вещей положительный признак *красный*, но нет в наличии ни у одной вещи отрицательного признака *не-красный*. Дело в том, что предмет и его отрицание «живут» в разных мирах: предмет существует субстанционально, т.е. в реальном мире, а «отрицательный» предмет существует только в концептуальном пространстве нашей мысли, в логике.

Русский язык, концептуализируя в своих синтаксических моделях асимметрию утверждения и отрицания, обратил внимание на тот факт, что когда мы утверждаем что-то о предмете, мы утверждаем его действительное бытие, а утверждаемый предмет — естественный субъект этого бытия, а когда мы отрицаем что-то, мы вы-

ражаем только наше *восприятие в сознании* отсутствия этого предмета, а значит, он — действительно *объект* нашего *восприятия* его отсутствия. Т.е. когда я говорю, что *он есть*, я молчаливо предполагаю, что он действительно есть. Это вытекает из презумпции существования, «встроенной» «по умолчанию» в каждое выражение естественного языка. Когда же я говорю, что *его нет*, я имею в виду, что я его просто не воспринимаю, но он где-то есть, исходя из той же презумпции.

Кстати, обратим внимание, что когда предмет выступает в роли предиката, который по определению принадлежит миру мысли, а не миру объективной реальности [1], асимметрия естественным образом исчезает: *Это дом — Это не дом*.

Наши наблюдения вполне соответствуют мыслям, высказанным в одной из работ Е.В. Падучевой. Она также обратила внимание на указанное различие в бытийных утвердительных и отрицательных конструкциях русского языка и совершенно справедливо связала это с обязательным наличием в отрицательной конструкции фигуры Наблюдателя, что отличает ее от конструкции утвердительной. Е.В. Падучева утверждает, что в конструкции с родительным субъекта в отрицательном предложении мы имеем дело с прототипическим Наблюдателем. Естественно предположить, что генитив в контексте *быть* означает, что «в ситуации отсутствия» присутствует Наблюдатель. Другое дело, что под отрицанием у этих слов возникает вторичное значение отсутствия или несуществования — в силу продуктивного семантического перехода от невосприятия к отсутствию; своего рода безответственная инференция: *я не вижу здесь X-а* @ *X-а здесь нет* [3, с.53-63]. Иными словами, первичное здесь значение «наблюдаемого отсутствия», а значение несуществования — семантически производно. Т.е. генитив означает, что в ситуации отсутствия кто-то присутствует. Этот кто-то — и есть прототипический Наблюдатель.

К второй группе фактов мы относим наличие в русском языке синтаксических моделей с оператором отрицания НЕ, которые, по тем или иным причинам, вместо выражения отрицания выражают, в режиме косвенного речевого акта, какие-то иные, значимые для говорящего коммуникативные намерения, связанные с утверждением чего-либо. Это «неотрицающее отрицание», или даже «утверждающее отрицание», мы условно назовем **прагматической асимметрией**.

Лингвофилософский источник подобного рода явлений коренится в возможности модальной интерпретации отрицательной конструкции в плане пропозициональной установки «кажимости» (гипотетичности) или неверия, о которой, со ссылкой на Б. Рассела, пишет Н.Д. Арутюнова: «Б. Рассел полагал, что отрицание в предложениях восприятия есть принадлежность не предиката, а пропозициональной установки: «Ясно, что суждение: «Это не красное» может быть суждением восприятия, если только «это» есть цвет, отличающийся от красного. Это суждение может быть истолковано как неверие в предложение «это красное» при том, что неверие является таким же положительным состоянием, как и вера»» [1, с. 665].

В работе [4] мы предположили, что некоторые типы таких «неотрицающих» русских общепридавательных конструкций с оператором НЕ следует трактовать в рамках теории речевых актов как особые типы речевых стратегий непрямого, идиоматичного выражения специфических коммуникативных намерений говорящего, причем имеющие явный идиоэтнический, национально обусловленный характер.

Отправной точкой наших рассуждений является широко известный пример косвенного речевого акта, обсуждающийся в работе Дж. Р. Серля «Косвенные речевые акты», — *Would You pass me the salt?* [5, с. 170-222]. Русский аналог данного косвенного речевого акта с иллюкутивной силой вежливой просьбы, выраженной в языковой форме вопроса, звучит примерно как *Не могли бы вы передать мне соль?* или *Не передадите ли мне соль?* (более точный, но менее приемлемый стилистически вариант — *Не передали бы Вы мне соль?*). С точки зрения прагматики кооперативного речевого взаимодействия, это, разумеется, псевдovoпрос — у адресата создается иллюзия возможности нормальной ответной реакции, тогда как реально от него требуется не ответ, а конкретное действие в соответствии с намерением говорящего.

Однако нам интересен несколько иной поворот этой проблемы, вполне обоснованно выпавший из сферы внимания Дж.Р. Серля как излишне «лингвистичный». Дело в том, что Дж.Р. Серль, разумеется, анализирует англоязычный вариант этого косвенного речевого акта, который звучит как *Would You pass me the salt?*, т.е. с использованием утвердительной модели, тогда как русскоязычный аналог данной конвенциональной формы косвенного акта требует, чтобы указанную идиоматичность сохранить, обязательного включения НЕ — *Не передадите ли мне соль?*

Уже сама возможность порождения и рецепции данной конструкции по-английски без всякого НЕ доказывает некую логическую избыточность этого оператора и в русском варианте. Иными словами, НЕ в русскоязычном варианте ничего не отрицает. Говорящий реально спрашивает не о невозможности, а, наоборот, как раз о возможности для адресата совершить требуемое действие. Но, с другой стороны, **устранение** НЕ в этой конструкции на русском языке приводит к разрушению идиоматичности, к невозможности косвенной небуквальной интерпретации данного высказывания в интенциональном контексте: ср. *Могли бы вы передать мне соль?* — по-русски звучит только как прямой вопрос о пределах физических и иных возможностей адресата. Кстати, по-английски, напротив, **добавление** НЕ, т.е. трансформация положительной конструкции в отрицательную, разрушает идиоматичность.

С точки зрения логики, пропозициональное содержание, которое обращено в будущее и посвящено альтернативному выбору между совершением и несовершением чего-либо, в равной степени можно выразить и утвердительной, и отрицательной формой, поскольку в этой ситуации различие между отрицанием и утверждением нейтрализуется (так, высказывания *Завтра будет дождь* и *Завтра не будет дождя* обладают одинаковой логической валентностью — неопределенной). Тогда закономерно возникает вопрос: почему же из двух равноправных альтернативных возможностей выразить некое пропозициональное содержание один язык выбирает утвердительную конструкцию, а другой — отрицательную? Иными словами, почему англоговорящий употребляет конструкцию без негации, а русскоговорящий начинает с НЕ, хотя никакого прямого отрицания ни в английском, ни в русском равно не предполагается?

Возможно, здесь и следует поставить вопрос о неких специфичных речевых стратегиях, о неких специфических установках говорящего, облигаторно отложившихся в языковых формах как результат предпочтительного выбора языкового кол-

лектива, как отражение опыта столетий психологической и культурной интроспекции носителей языка. Так, например, в английском варианте можно видеть установку на возможный позитивный перлокутивный эффект, уверенность говорящего в положительном для него исходе его просьбы, а в русском варианте — установку на возможную неудачу, коммуникативную или перлокутивную, может быть, некое изначальное сомнение, заранее предустановленную неуверенность говорящего в успешности его речевого акта.

Отмеченная выше негативная пресуппозиция, так называемый «отрицательный» модальный приступ вообще характерен для национально-специфичных речевых стратегий в отечественной речевой практике — эти стратегии воспроизводятся в достаточно разнообразных типах самых обычных конструкций в русском языке. Прежде всего — это русские лингвоспецифичные конструкции с модализованным вопросом, выражающим вежливую просьбу: *Не будете ли Вы так любезны (добры)...?*; *Не хотите (желаете) ли...?*; устар. *Не соблаговолите ли...* и пр. Эти конструкции также актуализуют рассмотренную выше ситуацию предпочтительного выбора из двух альтернатив: лингвоспецифичность подобных высказываний состоит в том, что возможный предпочтительный вариант выбора, который, разумеется, мыслится как **положительный**, условно и конвенционально вербализован **отрицательной** конструкцией, с буквальным значением нежелательного для говорящего варианта.

То, что это не единичный изолированный факт использования «отрицательного» модального приступа при вербализации идеи предпочтительного выбора, а своего рода речеповеденческая модель, доказывается наличием в русском языке и других конструкций, так или иначе посвященных альтернативному предпочтению. Это, например, формально вопросительные конструкции с модальным инфинитивом совершенного вида в значении необходимости совершения действия в будущем — типа *Не пойти ли нам в кино?* или *Не написать ли мне статью об этом?* (= *(Давай) пойдем в кино* или *Напишу(-ка) я статью...*).

«Отрицательный» модальный приступ как особенность русских косвенно-речевых стратегий также присутствует, например, в вопросительной конструкции с модусом предположения: *Обрыскал свет, не хочешь ли жениться?* (А.С. Грибоедов, «Горе от ума»); *Не пора ли нам домой?*, а также в модели генерализованного высказывания, в роли оператора обобщения (идиоматичного выражения квантора всеобщности); *Кто не проклинал станционных смотрителей?* (А.С. Пушкин, «Станционный смотритель»).

В разговорной речи также частотны разнообразные конструкции с «неотрицающим» НЕ, например, с семантикой опасения: *Как бы чего не вышло!*; одобрения: *Ну чем не работа!* и др. Представляется, что во всех этих случаях говорящий с помощью НЕ как бы намеренно дезавуирует истинный «положительный» смысл пропозиции.

Интересны в этом плане также конструкции с оператором НЕ в вопросительных предложениях, где НЕ входит в состав перцептивной или эпистемической пропозициональной установки («модуса», по Ш. Балли): — *Ты не знаешь, отец дома?*; — *Ты не слышал, как наши сыграли?*; — *Ты не видел, куда я очки положила?*

Видимо, здесь мы имеем дело с каким-то «феноменологическим», в смысле А. Вежицкой, рефлексом в системе русских речеповеденческих установок, когда человек не уверен в возможности положительного для него исхода будущих событий, в том числе и потому, что не в силах на это повлиять.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования Фрагменты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 88-123
3. Падучева Е. В. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // Russian linguistics. 1992. V. 16. P. 53-63.
4. Радбиль Т. Б. «Не» как «оператор неотрицания» в лингвоспецифичных интенциональных контекстах // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: Сборник научных статей / Сост.: В.Н. Денисенко, О.И. Валентинова, Е.А. Красина, М.Л. Новикова, Н.В. Перфильева, С.Ю. Преображенский. М.: РУДН, 2011. С. 96-102.
5. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170-222.

Radbil T. B. *The asymmetry of assertion and negation as the national peculiarity of the Russian language picture of the world*

The work deals with the various types of the semantic, grammatical and pragmatic asymmetry in expression of assertion and negation in the Russian language. The author suggests that this asymmetry is a national-specific feature of the Russian language picture of the world.

Keywords: negative constructions, the Russian language picture of the world, lingual-specificity.

Радбиль Т. Б. *Асиметрія ствердження і заперечення як особливість російської мовної картини світу*

У роботі розглядаються різні види семантичної, граматичної та прагматичної асиметричності вирази ствердження і заперечення в російській мові. Висловлюється припущення про національно-специфічний характер даної асиметрії.

Ключові слова: негативні конструкції, російська мовна картина світу, лінгвоспецифічність.